

Л. А. ГЕРА

Р
У
С
С
К
И
Й
А
Ф
О
Н

РУССКИЙ АФОН

1878-1914 гг.

Очерки церковно-
политической истории

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Выпуск 7

Русский Афон

Лора Герд

**Русский Афон 1878–1914
гг. Очерки церковно-
политической истории**

«Индрик»

2010

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

Герд Л. А.

Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории / Л. А. Герд — «Индрик», 2010 — (Русский Афон)

ISBN 978-5-91674-103-2

Исследование посвящено церковно-политической стороне истории русского монашества на Св. Горе в период его наивысшего расцвета – в конце XIX – начале XX в. На основании архивных документов отечественных и зарубежных хранилищ автор восстанавливает некоторые малоизвестные страницы жизни русского Афона.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

ISBN 978-5-91674-103-2

© Герд Л. А., 2010
© Индрик, 2010

Содержание

Введение	6
Политическая ситуация на Балканах конца XIX – начала XX в.	10
Русские на Афоне. Конец XIX в.	13
Русский Афон глазами современников	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лора Герд
Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки
церковно-политической истории

© Издательство «Индрик», 2010

© Л. А. Герд, 2010

* * *

Введение

Святая Гора Афон, уникальное монашеское государство, расположенное в восточной части полуострова Халкидики, по своему значению для православного мира может сравниться со святыми местами Палестины. Будучи неотъемлемой частью греческой церковной и культурной жизни, Афон в то же время принадлежит всему восточному христианству: начиная с X–XI веков там существовали монастыри грузин, русских, сербов, болгар, румын. Св. Гора представляла собой, с одной стороны, идеальный образ единения христианских народов, а с другой стороны, являлась моделью реального земного мира восточноевропейских государств, в которой, как в зеркале, отражались все противоречия политической жизни этих народов.

Полная история Афона, несмотря на пристальное внимание к нему со стороны историков, искусствоведов и богословов, до сих пор не написана; подчас возникают сомнения, может ли она быть написана вообще. Ведь любая история основывается на письменных и материальных памятниках, а дошедшие до нас источники по истории учреждения, целью которого изначально была жизнь невидимая, духовная, – неизбежно оказываются односторонними и не могут отразить эту жизнь во всей ее полноте и сути. Поэтому вполне закономерно, что исследователи описывают внешнюю сторону истории – занимаются историей искусства Афона, историей экономической жизни монастырей, составляют жизнеописания подвижников.

Как центр православного мира, Св. Гора была важнейшей церковно-политической единицей Восточного Средиземноморья и стояла на пересечении интересов великих держав (в первую очередь России) и балканских государств. Поэтому политическая история Афона, приобретшая во второй половине XIX в. ярко выраженный национальный характер, имеет большое значение для истории Балкан и Ближнего Востока в целом. В русской политике Афон занимал особое место: почти пятитысячное русское монашество Св. Горы служило опорой для укрепления авторитета России на Востоке и элементом церковного рычага воздействия на политику в восточном вопросе.

Изучение церковно-политической жизни Афона и его роли в политике конца XIX – начала XX в. можно считать только начатым. Немногие научные работы, посвященные этой теме, не свободны от националистических пристрастий – будь то греческих или русских – и, кроме того, они в очень малой степени учитывают тот богатый архивный материал, который дает возможность проследить внешнюю историю Афона в данный период. Задача настоящего исследования – представить на основании дипломатических и других архивных документов некоторые наиболее яркие страницы церковно-политической истории русского Афона в период его наивысшего расцвета, в годы между русско-турецкой и Первой мировой войнами (1878–1914).

* * *

Св. Гора Афон издревле была местом подвига монахов из всех стран восточно-христианского мира. Отшельники жили на Афонском полуострове еще с VIII в.; в то время там подвизался преподобный Петр Афонский. С IX в. известны монашеские поселения, в 963 г. преподобным Афанасием был основан монастырь Великая Лавра, и вскоре после этого на Афоне стали селиться люди из всех православных стран. Внутренняя жизнь афонских монастырей определялась уставами, древнейший из которых (так называемый «Трагос») был издан императором Иоанном Цимисхием в 972 г. В течение всего византийского периода Афон находился под особым покровительством императоров: многие монастыри назывались «царскими» и пользовались особыми привилегиями; неоднократно в документах подчеркивалась незави-

симость афонских монастырей от всякой светской власти. Щедрое пожертвование из императорского дома и от знатных вельмож давали возможность строить величественные храмы, украшенные фресками, а также мощные оборонительные сооружения и хозяйственные строения. В XIV в., несмотря на то, что Византийская империя переживает упадок, Афон по-прежнему процветает; более того, именно он становится центром знаменитого движения исихазма.

Наряду с греками, в византийский период на Св. Горе жили монахи русские, грузины, сербы, болгары и румыны. Каждый негреческий народ имел свой монастырь: русские – Ксилургу (основан в XI в.) и Св. Пантелеймона (передан русским в XII в.), сербы – Хиландарский (основан в XII в.), болгары – Зографский (основан в XIII в.), грузины – Иверский (основан в X в.), румыны в поздневизантийский период селились преимущественно в Кутлумушском монастыре; выходцы из Италии до XII в. жили в монастыре Амальфитян. Таким образом, Афон представлял собой своеобразную модель православной ойкумены, вместив в себя как высокий идеал духовного содружества христианских народов, так и противоречия реальной жизни.

Верховным главой всех афонских монастырей считался византийский император, а главной духовной была Константинопольский патриарх. Управлялось афонское монашество выборным протом и советом при нем, Кинотом; местом пребывания прота была Карея – столица Св. Горы. Каждый монастырь имел выборного игумена. Игуменьей всей горы по традиции считалась Богородица, покровительница Афона¹.

Участь всех византийских земель не миновала и Св. Гору: в 1423–1424 гг. она была присоединена к Османской империи. Завоевателем Афона Муратом II была признана автономия горы; султаны формально не имели права вмешиваться во внутренние дела Афона. Св. Гора была объявлена привилегированной территорией, наравне с вилайетами Хеджаз и Триполи². Однако тяжесть новых налогов, постоянные пиратские набеги и обеднение христианского населения сказались на монастырях: их число сократилось и общежительный устав был почти повсеместно заменен идиоритмом, или своежительным. Роль прота – «первенствующего» Св. Горы, который прежде держал в своих руках управление Афоном, падает; теперь эти функции выполняет ἡ Μεγάλη Σύναξις, собрание представителей двадцати крупнейших афонских монастырей. С начала XVII в. на Афоне поселился постоянный турецкий управляющий с титулом аги. Официально его назначение мотивировалось необходимостью защиты монастырей от пиратских набегов и произвола богатых турок-соседей; на деле же турецкий военный заменил собой прота.

С конца XVI в. предпринимаются попытки исправить материальное положение монастырей. В XVI–XVIII вв. возрождение афонских обителей происходит при помощи щедрых пожертвований господарей Молдавии и Валахии, которые, наряду с богатыми купцами-греками, становятся новыми ктиторами монастырей. Между тем в османский период негреческий элемент в населении Св. Горы уменьшается в числе; славянские иноки живут вместе с греками, но уже не составляют, как прежде, компактные группы, пользующиеся покровительством светских властей. Это явление было вполне закономерным и отражало общую картину развития христианства в Турецкой империи, политика которой была направлена на централизацию

¹ Литература об истории афонского монашества огромна. Самая полная библиография до 1963 г. содержится в обзоре: Doens I. Bibliographie de la Sainte Montagne de l'Athos // Le Millénaire du Mont Athos, 963-1963. Études et mélanges. Vol. II. Venezia, 1964. P. 337–495 (второе издание отдельной книжкой: Ἀγῶν Ὀρος, 2001), а также: Максимович К. А., Мухин В. С., Пигаль П., игум., Романенко Е. В., Статис Г., Турило в А. А., Якимчук И. З. Афон // Православная энциклопедия. 2002. Т. 4. С. 103–181. Библиография: с. 146, 166–167, 177, 181; Просвириш А. Афон и Русская церковь. Библиография // Богословские труды. 1978. Т. XV. С. 184–256. Об организации афонской монашеской жизни в византийский период см.: Παλαχρυσάνθου Δ. Ο Αθωνικός μοναχισμός. Αρχές και οργάνωση. Αθήνα, 1992. Doens I., Παλαστα-λο Χη. Κ. Νομική Βιβλιογραφία Αγίου Ὀρους (1912–1969) // Μακεδόνικα. 1970. Τ. 10. Σ. 191–240.

² Παλαχρυσάνθου Δ. Η διοίκηση του Αγίου Ὀρους (1600–1927). Αθήνα, 1999. Σ. 17; Heidborn A. Manuel de droit public et administrative de l' Empire Ottoman. Vienne; Leipzig, 1908. Vol. 1. P. 10–13.

и, соответственно, эллинизацию православного населения. К началу XIX в. практически все монастыри находились в руках греков.

В середине – второй половине XIX в. Афон составлял казу Салоникского санджака; управлялся он каймакамом, жившим в столице Св. Горы – Карее. В его распоряжении было несколько полицейских (заптие) для наблюдения за порядком и проверки паспортов посетителей. Афон, как и прежде, платил ежегодную дань Порте; он имел своих представителей в Салониках и одного в Константинополе. Внутреннее управление определялось уставом 1877 г. Монастырей было 20; другими формами монашеских поселений были скиты, келлии и отшельнические каливы. Во главе монастыря стоял игумен в возрасте не менее 40 лет, который утверждался патриархом; ему помогали два епитропа. Новый скит мог быть основан только с разрешения афонского совета и патриарха; скит не мог быть преобразован в монастырь. Возглавлялся скит настоятелем-дикеем, который также имел епитропию (совет). Верховное управление Афона осуществлялось Кинотом, заседавшим в Карее и состоявшим из трех членов и прота (выбирался на год). Другим органом управления был Синаксис – совет, состоявший из представителей 20 монастырей³.

До XVIII в. мы располагаем лишь фрагментарными сведениями о русских на Св. Горе: это подписи под грамотами монастыря Св. Пантелеймона и других монастырей, свидетельства паломников из России. Русские монахи жили в разных афонских монастырях, в то время как в Пантелеймоновом монастыре с XIII–XIV вв. преобладали сначала сербы, а затем греки. На рубеже XV–XVI вв. были установлены официальные отношения между Пантелеймоновым монастырем и русским правительством. Ученые выходцы со Св. Горы неоднократно появляются в Москве XVI–XVII вв.; постоянно приезжали игумены афонских монастырей для сбора пожертвований; от афонских монахов в Москве было получено много святынь – мощей и почитаемых икон. Важным событием было посещение Афона Арсением Сухановым в XVII в., который привез в Москву греческие рукописи для церковной реформы патриарха Никона. В начале XVIII в. на Св. Горе побывал русский паломник Василий Григорович-Барский, оставивший детальное описание афонских обителей, их устройства и сделавший множество рисунков⁴. Его путешествие является уникальным источником по архитектуре Св. Горы и состоянию монашества в начале XVIII в. В том же столетии на Афон прибыл Паисий Величковский. Он прожил там много лет, был учеником преп. Никодима Святогорца, а затем положил в Молдавии начало афонской монашеской традиции, от которой впоследствии произошло монашество Оптиной пустыни⁵.

В XVIII в. русский монастырь перешел в руки греков. В конце столетия из-за крайнего обнищания обители монахи решили оставить старый (нагорный) Русик и переселились в принадлежавшую монастырю прибрежную келлию в честь Воскресения Христова, где и был основан новый монастырь Св. Пантелеймона. Обитель стала возрождаться; в первой половине XIX в. в ней впервые после длительного перерыва появились русские насельники. Важной вехой в истории монастыря стало прибытие в 1835 г. иеромонаха Аникиты (князя Ширинского-Шихматова), который хотел внести большой денежный вклад и поселиться в монастыре. Однако это встретило протест со стороны греков, и окончательное вселение русских монахов в монастырь Св. Пантелеймона состоялось только в 1839 г.⁶ Через два года, в 1841 г., был основан

³ Ibidem.; Meyer Ph. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894. S. 80–88.

⁴ Григорович-Барский В. Первое посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное. СПб, 1884.

⁵ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847; Четвериков С. Молдавский старец схимандрит Паисий Величковский. Т. I–II. Печоры, 1938; Ταχναός Α.-Ε. Ο Ποάσωνος Βελιτοκόφοκι (1722–1794) κ' η ασκητικοφιλογολική σχολή του. Θεσσαλονίκη, 1964; Papoulidis C. Le starets Paissij Veletckovskij (1722–1794). Irakleion, 1953.

⁶ Tachiaos A-E Controverses entre Grecs et Russes l'Athos // Le Millénaire du Mont Athos, 963–1963. Vol. II. P. 159–179.

второй русский скит на Афоне, Св. апостола Андрея⁷. В 1830-е годы в скиту Св. пророка Илии поселились выходцы из Малороссии. Немалое значение для привлечения внимания русского народа к Афону имели очерки и статьи о Св. Горе, многие из которых были написаны самими паломниками; во второй половине XIX в. таких произведений появится десятки, от простых брошюр для народа до подробных путеводителей, снабженных историческими сведениями⁸.

Русское правительство в целом не препятствовало благочестивым устремлениям народа; среди паломников начиная с середины XIX в. встречаются видные политические деятели и даже члены царской фамилии. Большой поддержкой для русских монахов были посещения великого князя Константина Николаевича в 1845 г., посланника в Константинополе В. П. Титова в 1849 г., посла Н. П. Игнатьева в 1866 г., великого князя Алексея Александровича в 1867 г. Теперь, пользуясь моральной поддержкой русской дипломатии и материальной – из России, русское афонское монашество получило возможность развиваться и принимать новых братьев. Вместе с тем стремление русских на Афон уже тогда вызывало тревогу у некоторых церковных деятелей, которые предвидели могущие возникнуть из этого политические осложнения и нежелательный с государственной точки зрения расход средств на заграничные учреждения⁹.

---

⁷ Литературу о нем см.: *Егорова А. В., Ульянов О. Г.* Андрея апостола скит // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 399–404. См. также: *Fennell N.* The Russians on Athos. Oxford, 2001. P. 51–83.

⁸ Большой популярностью пользовались сочинения Святогорца (иеромонаха Серафима, в миру Семена Андреевича Веснина), которые выдержали много переизданий: *Письма Святогорца о святой горе Афонской с приложениями.* СПб., 1853. Т. 1–3; *Сочинения Святогорца, собранные после его смерти.* СПб., 1861.

⁹ Еще митрополит Филарет (Дроздов) писал по этому поводу: «О поддержании афонских монастырей забота едва ли нужна, и не обещает пользы. Сии монастыри много выносят из России денег посредством своих сборщиков... В некоторые монастыри делают на русские деньги серебropозлащенные оклады на иконы, что для благочестия не нужно и в Афоне неуместно, потому что может привлечь корыстолюбие турок и грабеж. И то, что русские идут на Афон иногда не по правильным побуждениям (как, например, потому, что там скорее можно получить монашество и священство) и влекут туда русские капиталы на покупку келлий и скитов и на свое содержание, не заслуживает поощрения. Сии люди могли бы в России найти себе духовное наставление и спасение» (*Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам.* СПб., 1886. Т. 4. С. 413).

Политическая ситуация на Балканах конца XIX – начала XX в.

Пруско-турецкая война 1877–1878 гг. изменила карту Балкан. К северу от Балканских гор появилось новое государство – Болгарское княжество. Нельзя сказать, чтобы русское правительство было вполне довольным результатами войны, ради которых пришлось понести столь значительные потери. Проекты «Великой Болгарии», разрабатывавшиеся послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым, были перечеркнуты решениями Берлинского конгресса 1878 г., и России так и не удалось создать на Балканском полуострове послушное себе буферное государство на пути к Константинополю. Центром восточного вопроса по-прежнему оставались черноморские проливы, Константинополь и прилегающая к нему территория¹⁰.

Для окончательного решения этого вопроса требовалась политическая подготовка, которая велась как на уровне дипломатии, так и через агентов в среде местного населения. По традиции главной опорой русской политики были православные народы, населявшие Османскую империю – греки, болгары, сербы, арабы. Поэтому церковная политика играла важнейшую роль в русской политике на Ближнем Востоке и Балканах. От дипломатов константинопольского посольства и консульств на местах требовалось знание основ канонического права, церковной ситуации в данный момент и умение ладить с противоборствующими партиями местных христиан. Одним из главных препятствий для русской политики на Востоке была провозглашенная в 1872 г. болгарская схизма¹¹. Ухудшение, а затем и разрыв отношений с Болгарией в 1880-е годы, наряду с невозможностью осуществлять церковные контакты, во многом парализовали русскую политику в восточной и южной части Балкан¹². Неудивительно, что на протяжении 40 лет усилия дипломатии были направлены на преодоление схизмы. Позиция России в целом совпадала с точкой зрения Константинопольской патриархии: Болгарская церковь должна быть ограничена пределами княжества. Иным было, однако, мнение болгар и их церковного главы – экзарха Иосифа, который в течение нескольких десятилетий боролся за назначение болгарских архиереев на кафедры Македонии и Фракии. Не имея возможности открыто поддерживать болгар и в то же время не желая конфликта с патриархией, русский Св. Синод, а вместе с ним и МИД в греко-болгарском вопросе занимал пассивную позицию лавирования между двумя противоборствующими сторонами и по сути отказывался от активного участия в происходящих событиях¹³.

¹⁰ О политике России в восточном вопросе см.: *Jelavich Ch. & B. The establishment of the Balkan national states 1804–1920*. Seattle; London, 1977; *Jelavich B. The Ottoman Empire? The Great Powers and the Straits question, 1870–1887*. Bloomington; London, 1973; *Eadem. St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet foreign policy 1814–1974*. Ibid., 1974; *Sumner B. H. Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914*. London, s. a.; *Saul N. E. Russia and the Mediterranean*. Chicago, 1970; *Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи)*. Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1–2; *Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главном архивах*. СПб., 1907; *Дранов Б. А. Черноморские проливы*. М., 1948; *Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в.* М., 1994; *Россия и черноморские проливы*. М., 1999; *Лулева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914)*. М., 2010 и др.

¹¹ *Курганов В. Ф. Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник*. 1873. Ч. 1. С. 187–260; *Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам*. СПб., 1889; *Кирил, патриарх Български*. Граф Н. П. Игнатьев и Българският църковен въпрос. Изследване и документи. София, 1958; *Маркова З. Българската Екзархия, 1870–1879*. София, 1989.

¹² *Косик В. И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886*. М., 1991; *Его же. Время разрыва: политика России в болгарском вопросе, 1886–1894 гг.* М., 1993.

¹³ О позиции России в греко-болгарском вопросе в 1880–1890-е годы см.: *Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898)*. М., 2006. С. 225–308. О попытках преодоления схизмы: *Kofos*

Отношения с Грецией в это время продолжают оставаться натянутыми: в 1880-е годы, во время правления премьер-министра Х. Трикуписа, послушного указаниям Великобритании, не шло и речи о церковно-политическом сближении с Россией. В Константинополе, втором центре эллинизма, русское правительство старалось поддерживать умеренно настроенных архиереев, выходцев из османских областей, которые относились к России если не дружелюбно, то, по крайней мере, терпимо. Лозунгом дипломатии было «возвысить греческое духовенство Востока в его собственных глазах», сделать его свободным от националистического влияния Афин и внушить ему подлинно вселенский дух, свободный от национальных пристрастий. Более всего удовлетворял этим пожеланиям русской политики патриарх Иоаким III (первое патриаршество 1878–1884 гг.), который пользовался большим авторитетом в среде греческого населения Турции и в 1880-е годы проводил русофильскую линию на Востоке. Патриархи, занимавшие престол в последующие годы, уже не испытывали столь дружественных чувств к северной державе; исключение составлял достаточно слабый Неофит VIII (1891–1894 гг.). Более того, двое из патриархов – Дионисий V (1885–1890) и Константин V (1897–1901) – вели открыто антирусскую политику¹⁴. При активной поддержке русской дипломатии в 1901 г. на патриарший престол был вторично избран Иоаким III. Однако на этот раз он не оправдал возлагаемых на него надежд: в болгарском вопросе и в вопросе русских монахов на Афоне он прислушивался не к советам из России, но к мнениям афинского правительства. В противостоянии болгар и сербов в Македонии в начале XX в. российское посольство взяло сторону сербов и добилося назначения сербского митрополита Фирмилиана в Ускюбе (Скопие)¹⁵.

Главной политической проблемой на Балканах в этот период был македонский вопрос. С одной стороны, балканские христиане не готовились к решительному выступлению против общего врага – турецких властей. В августе 1903 г. вспыхнуло Илинденско-Преображенское восстание, быстро подавленное турками. Россия на тот момент не была заинтересована в нарушении целостности Османской империи, и потому не поддержала повстанцев. С другой стороны, столкновение интересов балканских народов – греков, болгар и сербов – на протяжении нескольких десятилетий решалось методами церковно-политической пропаганды и партизанской борьбы¹⁶. Попытки замирения края путем проведения реформ, в том числе при участии австрийских и русских военных (Мюрцштегские реформы) не могли привести к успеху. Афон, непосредственно примыкающий к Македонии, хотя и не был площадкой вооруженных столкновений, но нередко служил местом укрытия вооруженных повстанцев и хранения оружия. Обстановка особенно накалилась в конце 1910-х годов, в преддверии Балканских войн 1912–1913 гг. Россия продолжала занимать пассивную позицию и не принимала участия в балканских событиях. С точки зрения правительства, Россия, не готовая к войне на Балканах, ослабленная поражением в войне с Японией 1904–1905 гг., должна была стремиться исключительно к сохранению status quo и целостности Турции. После неудачи 1880-х годов в Болгарии русское

Ev. Attempts at mending the Greek-Bulgarian Schism (1875–1902) // *Balkan Studies*. 1984. № 2. P. 347–375; *Снегаров И.* Руски опити за предотвратяване и вдигане на схизмата // *Македонски преглед*. 1929. Т. 5. № 1. С. 1–44; № 2. С. 1–32.

¹⁴ Характеристику деятельности Константинопольских патриархов 1878–1898 гг. см.: *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). С. 55–91.

¹⁵ Об участии русской дипломатии в деле избрания Фирмилиана см.: РГИА. Ф. 797. Оп. 66. 2 отд. Ст. Д. 401; Оп. 67. 2 отд. 3 ст. Д. 9; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3426.

¹⁶ Политическая борьба в Македонии в 1897–1913 гг. и позиция европейских держав неоднократно становились предметом исследования. См., например: *Галкин И. С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960; *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966 (библиография р. 481–490); *Ruchti J.* Die Reformazion Österreich-Ungarns und Russlands in Mazedonien 1903–1908. Die Durchführung der Reformen. Wien, 1969; *Попов Р.* Австро-Унгария и реформите в Европейска Турция 1903–1908. София, 1974; Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944. Т. 3. Освободителното движение след Илинденско-Преображенското въстание. София, 1997; *Лабаури Д. О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг. София, 2008 (библиография с. 218–238) и др.

правительство практически самоустранилось от участия в балканской и вообще ближневосточной политике¹⁷. Как МИД, так и в особенности Св. Синод постоянно испытывали страх перед перспективой нарушения равновесия. Любое активное действие, по мнению русских политиков, вызвало бы опасное контрдействие со стороны враждебных западных держав. Понятно, что такая пораженческая политика могла привести только к дальнейшему ослаблению влияния России на востоке и падению ее авторитета.

Балканский союз, образовавшийся в 1910–1912 гг. при содействии России, вселил некоторые надежды на преодоление болгарской схизмы и активизацию русской политики в балканском регионе. Переговоры о снятии схизмы, однако, так и не привели к успеху; нежелание России вмешаться в ход Балканской войны и допустить болгарские войска в Константинополь (октябрь 1912 г.) свело на нет все усилия дипломатии в этом направлении. На Лондонской конференции 1913 г. русским представителям также не удалось добиться благоприятных для России решений¹⁸. Таким образом, вплоть до начала Первой мировой войны Россия не вмешивалась в балканскую политику. Пассивность, боязнь нарушить шаткое равновесие на Балканах и политика лавирования между греками, болгарам, сербам и турецким правительством неизбежно отражались и на позиции русского правительства в отношении Афона.

---

¹⁷ Шебушин А. Н. Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926.

¹⁸ Об отношении России к войнам на Балканах и ее участию в Лондонской конференции держав см.: Писарев Ю. А. Балканы между миром и войной (Лондонские конференции 1912–1913 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 4. Июль-август. С. 63–75; *Его же*. Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия // Советское славяноведение. 1985. № 3. С. 58–69; *Его же*. Россия и международный кризис в период первой балканской войны (октябрь 1912 г. – май 1913 г.) // История СССР. 1986. № 4. С. 56–67. О попытках преодоления схизмы в 1901–1914 гг. см.: Герд Л. А. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 1901–1914 гг. // Исторические записки (в печати).

Русские на Афоне. Конец XIX в.

Резкое увеличение числа русских на Афоне связывают с двумя именами – духовника монастыря Св. Пантелеймона о. Иеронима и игумена архимандрита Макария; благодаря их трудам монастырь стал одним из величайших духовных центров русского народа конца XIX – начала XX в.¹⁹ О. Иероним (в миру Иван Павлович Соломенцов) родился в 1806 г. в г. Старый Оскол Курской губернии в купеческой семье. В 1831–1836 гг. он странствовал и жил в разных российских монастырях, а в 1836 г. прибыл на Афон, где купил келлию пророка Илии, относящуюся к Ставроникитскому монастырю; вскоре он принял постриг с именем Иоанникий. В 1840 г. он был приглашен на жительство в русский монастырь и там принял схиму с именем Иероним. Игумен Герасим назначил его духовником для русской братии. Скончался он в 1885 г.

Не менее известным был его ученик, игумен Пантелеймонова монастыря архимандрит Макарий. Архим. Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин) родился в г. Туле в купеческой семье. В 1851 г. он прибыл на Афон, где внезапно заболел и принял постриг в ноябре того же года. Выздоровев, о. Макарий под руководством о. Иеронима вскоре стал одним из самых ревностных монахов Пантелеймоновского монастыря. Видя высокую духовную жизнь своего ученика и его несомненные способности, Иероним стал готовить его к настоятельству. Вскоре после прибытия Макария в монастыре начались попытки вытеснить русских. Греки старались ограничить их число, так чтобы они составляли не более братии. Наибольшей остроты конфликт достиг к началу 1870-х годов. Не добившись признания на Афоне, русские монахи предоставили дело патриархату. При поддержке патриарха Иоакима II и активном содействии российского посла Н. П. Игнатьева в 1875 г. спор был решен в пользу русских, монастырь официально получил наименование русского, а о. Макарий был назначен игуменом²⁰. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отношения снова обострились, но уже по Сан-Стефанскому миру русские приравнивались в своих правах к грекам; Ильинский и Андреевский скиты были названы русскими обителями наравне с Пантелеймоновским монастырем (статья 22). Согласно 62 статье Берлинского трактата русские монахи Афона пользовались покровительством России через ее дипломатических представителей²¹.

¹⁹ Иоаким (Сабельников), иером. Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. Кн. 1. Иеросхимонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря. М., 2001; Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеймоновского монастыря священно-архимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895.

²⁰ Иоаким (Сабельников), иером. Великая стража. С. 211–243; Fennell N. The Russians on Athos. P. 138–150.

²¹ Тем не менее, эта статья вызвала разочарование русских монахов Афона: в своем письме к консулу в Фессалонике игумен Макарий просит о покровительстве и с сожалением отмечает, что положение русских осталось по-прежнему неопределенным (архим. Макарий – М. А. Хитрово. 7 ноября 1879 г. ОР ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 470. Л. 2–2 об.). В результате донесения Хитрово от 10 мая 1880 г. необходимость установления особого покровительства над русскими монахами Афона обсуждалась и в МИДе, и в Св. Синоде. 5 июня 1880 г. министр иностранных дел Н. К. Гирс обратился к К. П. Победоносцеву с запросом по этому поводу (РГИА. Ф. 797. Оп. 50. 2 отд. 3 ст. Д. 139. Л. 1–1 об.). Ответ обер-прокурора был достаточно сдержанным: «Несомненно одно, – писал Победоносцев, – что устроить дела наших афонских иноков мы можем только при полном согласии с иерархом, которому они подчинены. Быть с ним в согласии не так трудно, остается только бережно относиться к его правам и не попираť их, уповая на свое могущество и силу» (Там же. Л. 2–3). Здесь отчетливо проявляется разница во взглядах на церковные и, в частности, на афонские дела дипломатического и духовного ведомств: если МИД исходил в первую очередь из соображений государственной пользы, то гораздо более осторожный в своих действиях Синод постоянно указывал на невозможность пренебрегать древними каноническими нормами и обычаями. «На Берлинском конгрессе, – писал исследователь истории афонского монашества А. А. Дмитриевский, – все надежды русских иноков на Афоне вообще и в русских скитах в частности рухнули безвозвратно: сладкие мечты стать в ряд двадцатиостальных самостоятельных святогорских монастырей иной национальности разлетелись, как дым по ветру, и русские афонские иноки были возвращены, так сказать, в первобытное состояние, в каком находились они до войны» (Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. С. 237). Особенно тяжело воспринималась потеря надежды называть Андреевский и Ильинский скиты монастырями, что дало бы возможность русским иметь в Протате трех русских представителей вместо одного (Там же. С. 238).

После 1878 г. начался период наивысшего расцвета русского монашества на Афоне; теперь можно с полным правом говорить не просто о русском присутствии на Св. Горе, но о Русском Афоне как весомой церковно-политической единице на православном Востоке. Более чем четырехтысячное русское монашество на Афоне являлось опорой для восточной политики русского правительства. Пантелеймонов монастырь служил моральной поддержкой для русских организаций на Востоке. Так, при основании Императорского Православного Палестинского общества его будущий секретарь В. Н. Хитрово писал: «Хотя Пантелеймоновский монастырь не входит в круг деятельности нашего Общества, тем не менее, не только игнорировать мы его не можем, но наоборот, мы должны его поддерживать и ему оказывать содействие всеми нашими силами. Такой монастырь в Святой Земле (если бы был возможен!) был бы все, чего мы могли бы ожидать и желать. Это русский клин, и к тому же единственный, вбитый на Востоке»²².

В годы игуменства архим. Макария монастырь Св. Пантелеймона достиг величайшего благоденствия. Монастырские финансы были приведены в порядок; было положено основание трех подворий монастыря за пределами Афона²³; основан Новоафонский монастырь в Абхазии; в 1883 г. была построена Пантелеймоновская часовня в Москве; в 1888 г. освящен храм Новоафонского подворья в Петербурге. Подворья Пантелеймонова монастыря были в Константинополе, Одессе, Анапе, Новороссийске, Сухуме и других городах; они служили как транзитные пункты для паломников, через них собирались пожертвования и распространялись сведения о Св. Горе. Особо следует сказать о просветительско-издательской деятельности Пантелеймонова монастыря. Паломникам бесплатно раздавались тысячи листов и брошюр назидательного содержания, которые бережно хранились ими. Издательская деятельность монастыря началась в 1850 г., когда вышли в свет уж упоминавшиеся «Письма Святогорца о Св. Афонской Горе». В 1860 г. был напечатан «Афонский патерик» библиотекаря монастыря о. Азари (Попцова) (впоследствии книга выдержала 6 изданий), а также книга «Вышний покров», в которой были собраны сказания о всех чудотворных иконах Афона. С 1865 г. в монастыре функционировала своя типография. В 1878 г. был основан ежемесячный журнал «Душеполезные размышления», переименованный в 1888 г. в «Душеполезный собеседник», в котором, наряду с различными статьями духовного содержания, печаталась летопись жизни русского Афона. Благодаря этим публикациям русский Афон воспринимался читателями как неотъемлемая часть, уголок России на Востоке. Наряду с популярными изданиями монастырь предпринимал и успешно осуществлял публикацию текстов Св. отцов, Добротолюбия, экзегетических сочинений авторов XIX в., а также описания паломничеств прежних столетий. За вторую половину XIX в. значительно пополнилась монастырская библиотека, которая в 1844 г. насчитывала 500 печатных книг и 60 рукописей, а к концу столетия составляла около 20 000 печатных книг и более 1 000 рукописей. Отбор и покупка рукописей у других монастырей осуществлялись благодаря трудам библиотекарей о. Азари (Попцова) и особенно о. Матфея (Ольшанского)²⁴.

²² В. Н. Хитрово – М. П. Степанову. 21 ноября 1884 г. Цит. по: Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность (1882–1907). Историческая записка, составленная по поручению Общества. СПб., 1907. Здесь уместно вспомнить о том, что именно из Пантелеймонова монастыря в середине 1870-х годов были командированы два монаха для служения в Мирах Ликийских, где предполагалось основать русский монастырь. Мечта Хитрово о русском монастыре в Палестине казалась близкой к осуществлению при покупке древней лавры Св. Харитона русским афонским келлиотом.

²³ В частности, в 1879 г. было получено разрешение патриарха совершать богослужения в важнейшем для монастыря подворье в Галате (Константинополе). См.: Иоаким III – архим. Макарию. 2 января 1879 г. Ответ на три письма игумена от 12, 18 и 20 декабря 1878 г. и разрешение на совершение богослужений. АКП. КПА. Кωδ. 51. №. 372. Σ. 15.

²⁴ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. С. 294–337; Он же. Русский самородок на св. Афонской горе. Незабвенной памяти схимонаха Матфея. СПб., 1912 (=Сообщения ИППО. 1912. Вып. 1. С. 122–142).

Большой резонанс в русской общественной мысли 1870–1880-х годов имели произведения одного из самых оригинальных русских мыслителей и писателей, К. Н. Леонтьева. В течение многих лет Леонтьев был профессиональным дипломатом, консулом в разных городах Османской империи – Адрианополе, Тульче, Янине, Фессалониках. За время своей дипломатической карьеры он написал немало записок и отчетов по вопросам религиозности народов Турции и их национальной борьбы. В 1871 г., после тяжелой болезни, Леонтьев отправился на Афон уже не как консул, а как кающийся грешник и, к удивлению настоятеля и духовника Пантелеймонова монастыря, просил принять его в послушники. Ввиду как духовных, так и политических соображений, ему было отказано. Результатом его поездок на Св. Гору яви лась «Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России» (1872 г.). В ней даются меткие характеристики национального характера и религиозности турок, греков и болгар. Специальное место уделяет Леонтьев русскому присутствию на Востоке. «Всякий лишний переселенец в Турции служит сознательно или бессознательно нашим самым священным, самым отдаленным и глубоким интересам, раздражая при этом очень мало своим присутствием (а чаще и вовсе не раздражая) государственный организм Турецкой империи». Афон, по мнению Леонтьева, имеет двоякое значение. Одно его значение – общеправославное, другое – это русский Афон, с каждым годом приобретающий все большую силу²⁵.

Отдельную страницу составляют исследования русских ученых – византинистов и славистов – на Св. Горе. В середине XIX в. на Афоне дважды побывал с ученой целью архим. Порфирий Успенский. Результатом его поездок явились детальные описания жизни монастырей и хранящихся в них культурных сокровищ, а также единственная в своем роде трехтомная история Афона²⁶. В середине XIX в. на Афоне трудился не менее известный историк христианского Востока архим. Антонин Капустин. Свое путешествие на Св. Гору в 1859 г. он описал в отдельно изданной книге²⁷. В том же году на Афоне работала экспедиция П. И. Севастьянова²⁸. Славянские рукописи изучались казанским профессором В. И. Григоровичем. В конце XIX – начале XX в. на Афон неоднократно приезжали с научными целями русские византинисты – А. А. Дмитриевский, Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, В. Н. Бенешевич и другие. Целью их занятий было изучение письменных и археологических памятников, церковной архитектуры и живописи; они неизменно встречали гостеприимный приют в русских обителях. В русском монастыре Св. Пантелеймона не только радушным хозяином ученых гостей, но и деятельным сотрудником их был библиотекарь о. Матфей. Его активные контакты с византинистами А. А. Дмитриевским, В. Э. Регелем, И. В. Помяловским, Н. Ф. Красносельцевым, А. И. Алма-

²⁵ Косик В. И. Константин Леонтьев. Размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 94–95. Дипломатические донесения Леонтьева изданы: *Константин Николаевич Леонтьев. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. 1865–1872* / Сост. К. М. Долгов. М., 2003. См. также: *Долгов К. М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева*. М., 2008; *Жуков К. А. Восточный вопрос в историческо-философской концепции К. Н. Леонтьева*. СПб., 2006.

²⁶ *Порфирий (Успенский) еп. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа, Порфирия Успенского, в 1845 году. Часть 1. Отд. 1. Киев, 1877; Часть 1. Отд. 2. Киев, 1877. Его же. Первое путешествие... в 1846 году. Часть 2. Отд. 1. Киев, 1877. Часть 2. Отд. 2. М., 1880; Его же. Восток христианский. Афон – История Афона. Ч. 1. Афон языческий. Киев, 1877; Ч. 2. Афон христианский. Там же; Ч. 3. Афон монашеский. Там же. Кроме этих основных трудов, Порфирий написал большое количество статей и издал немало текстов, связанных с историей Св. Горы. Список его печатных трудов см.: *Сыржу П. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию наук по завещанию*. СПб., 1891. С. 399–408. Собрание рукописей Порфирия, среди которых немало было приобретено им на Афоне, с 1883 г. хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Некоторые сведения о приобретении рукописей см.: *Герд Л. А. Еп. Порфирий Успенский: из эпистолярного наследия* // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 8–21.*

²⁷ *Антонин архим. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. О научной работе Антонина на Афоне см.: Дмитриевский А. А. Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В. И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин)* / Публикация с комментариями Ф. Б. Полякова и Б. Л. Фонкича // *Byzantinorussica*. 1994. Т. 1. С. 165–197; *Герд Л. А. Архим. Антонин Капустин и его научная деятельность (по материалам петербургских архивов)* // Рукописное наследие русских византинистов. СПб., 1999. С. 8–35.

²⁸ *Довгалло Г. И. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность П. И. Севастьянова (по материалам его личного архива)* // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995.

зовым нашли отражение в сохранившейся переписке ученых и еще ждут своего исследования²⁹. Во второй половине XIX в., наряду с Пантелеймоновым монастырем, Ильинским и Андреевским скитами, значительное число русских монахов селилось в келлиях – небольших обителях, принадлежавших тому или иному из 20 святогорских монастырей. За получение права на келлию монах платил главному (кириархическому) монастырю определенную сумму денег, после чего составлялся договор (омология), в котором оговаривались условия аренды келлии. Русские воспринимали этот акт не как аренду, а как покупку келлии, разворачивали в них строительные работы, принимали новых насельников, превышающих число указанных в документе, а нередко пытались добиться признания за келлией прав скита. Все это вызывало длительные тяжбы с главными монастырями, вмешательство дипломатов и гражданских властей в жизнь Афона³⁰.

---

²⁹ *Медведев И. П.* Письмо с Афона (Библиотекарь русского Пантелеймоновского монастыря схимонах о. Матфей) (в печати).

³⁰ К истории русских келлий на Афоне мы вернемся ниже. Недавно вышло монографическое исследование, посвященное преимущественно русским келлиям: *Троицкий П.* История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2008.

Русский Афон глазами современников

Благосостояние русских обителей производило большое впечатление на соотечественников. «Пребывая в стенах русского монастыря святого Пантелеймона, там жил в какой-то атмосфере древнего русского благочестия, – писал генеральный консул в Македонии М. А. Хитрово, – сердце радуется, видя на далекой чужбине это благоустроенное, прекрасно управляемое громадное хозяйство в благочестивом деле русского Православия. Но не надо забывать, что великое дело это, возникшее, так сказать, само собою из духовных потребностей русского народа, развилось, зиждется и поддерживается ныне исключительно неусыпной деятельностью, непреодолимой энергией и громадным нравственным влиянием выходящих из ряда отцов Макария и Иеронима и нескольких лиц, которых они сумели собрать вокруг себя. Дело это благодаря усилиям отцов Макария и Иеронима ныне поставлено на прочную почву. Монастырь святого Пантелеймона стоит на собственной земле и имеет своего, русского представителя в Протате. Игумен – русский, в составе братии огромное большинство принадлежит русским»³¹.

Монастырь Св. Пантелеймона. 18/31 августа 1928 г.

С восторгом описывает свое посещение Афона 1886 г. профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. Е. Троицкий. Русские монастыри, по его словам, «это ульи пчел, уютно и практично устроенные, в которых жизнь кипит ключом, в которых обитатели, как трудолюбивые пчелы, работают с утра до ночи каждый над своим делом, расширяя и благоустроя свои жилища, приумножая общие средства, созидая дело, долженствующее существовать века... Русские монахи живут и работают для будущего, работают для своей обители, которая служит

---

³¹ Донесение от 10 мая 1880 г. Цит. по: *Иоаким (Сабельников), иером. Великая стража. С. 292.*

для них и отцом, и матерью, родом и племенем, осуществляет для них все дорогое им в жизни, и ради которой они и живут, и умирают»³².

Восхищался русскими обителями также и живший в 1880–1890-е годы на Афоне, в келлии Милопотамон, бывший Вселенский патриарх Иоаким III. Жизнь русского Афона в это время ярко представлена в его записке, составленной в январе 1891 г. для солунского консула И. С. Ястребова. «На каком бы месте Афона русские ни заняли келлии или места, – говорилось в записке, – они тотчас стараются «...» умножать число монахов и перестраивать все здания и церкви, дабы придать им русский вид. Так, о. Иероним нашел приют в монастыре Св. Пантелеймона с 15 русскими монахами, а через 35 лет число их возросло до тысячи... Архимандрит Виссарион с семью учениками приехал из Киева и занял Ватопедскую келлию Св. Андрея, а через 40 лет эта келлия превратилась в прекраснейший скит, превосходящий благолепием все монастыри, число же братии возросло до четырехсот. Оба эти человека были люди простые и достигли таких результатов только благодаря своей ревности и усердию. Их примеру следуют некоторые другие старцы келлий, перестраивая все на русский лад. В то же время греческое монашество падает, чахнет и близится к роковому концу вследствие нерадения монахов и преследования ими только личных интересов. Духовная власть на Афоне не пользуется никаким значением, послушание заметно повсюду. Монастыри греческие враждуют между собой, стараясь превзойти один другого в самочинии и своеволии. Напротив, в русских обителях господствует порядок; все идет на зов настоятеля, являются на послушание с покорностью, работают с самоотвержением, не вмешиваются в мирские дела. Старшие усердно стремятся к приумножению имущества, получая богатую милостыню из России (ежегодно до 200 тыс. лир, т. е. 1 миллионов рублей). На эти средства в течение 40 лет воздвигнуты русскими обителями великолепнейшие здания, храмы, подворья; ризницы и кладовые их можно назвать царскими, амбары наполнены хлебом, вином, елеем и всякими благами. Внушительное число монахов, величие храмов, примерное гостеприимство и щедрая раздача милостыни привлекают к русским обителям»³³

---

³² «Наша отечественная церковь занимает первое место между всеми православными церквями». Отчет профессора И. Е. Троицкого о командировке на Восток. 1886 г. / Подготовка текста, вступ. статья и комм. Л. А. Герд // Исторический архив. 2001. № 4. С. 167.

³³ И. С. Ястребов – А. И. Нелидову. 24 января 1891 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 61. 2 отд. 3 ст. Д. 146. Л. 8–12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.